

Геннадий Подгол
+375 29 685 06 88
g-kubik@mail.ru

ОХ, УЖ ЭТИ МУЖИКИ!
Комедия
в одном действии

Минск
2016г.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иван – 35лет

Алексей – 35лет

Степан – 40лет

Авдотья – 60лет, местная знахарка

Петрович – 65лет, муж Авдотьи

Берег лесного озера. Куст, грубо сколоченный стол, две деревянные чурки вместо скамеек.

На берег озера с авоськами в руках и удочками через плечо выходят Иван и Алексей. Алексей прислушивается и призывает приятеля к тишине, приложив палец к губам.

АЛЕКСЕЙ. Ваня, да ты только посмотри! Красота-то, какая! Солнышко светит! Птички поют! А воздух! Воздух, какой! Хоть ты им закусывай!

ИВАН. Красиво! Но ведь здесь рыбы нет!

АЛЕКСЕЙ. Ну, ты и упырь! Тебе что, рыба нужна? Мы чего сюда пришли?

ИВАН. Так... это... вроде как...

АЛЕКСЕЙ. Вот именно! Пообщаться с природой. А не отнять у нее чего-либо! А где еще, как не на рыбалке есть возможность отрешиться от цивилизации и воздать должное этой божественной обстановке? И здесь для этого все имеется! И озеро, и стол, и скамейки! Чем не Канары?

ИВАН. Дурака валяешь, что ли?

АЛЕКСЕЙ. Да нет же! Я действительно люблю эту красоту. Не знаю почему, но в последнее время меня потянуло на прекрасное! Всякий раз, наслаждаясь живописнейшими пейзажами, жалею только об одном – почему я не художник! Хотя, эту братию я не уважаю.

ИВАН. Почему?

АЛЕКСЕЙ. А за что их уважать? Голых женщин они любят рисовать, а не пейзажи! Издеваются над мужиками, сволочи!

ИВАН. Почему это, издеваются?

АЛЕКСЕЙ. Изображают баб красивее, чем они есть на самом деле!

ИВАН. Что же тут плохого?

АЛЕКСЕЙ. Что-что! Насмотришься на их творения, прибежишь домой, на жену глядеть не хочется! А супружеский долг никто не отменял. Даже изрядная выпивка не спасает! Свою бытовку на работе специально оклеил репродукциями женщин кисти Пикассо?

ИВАН. А что у него там за женщины?

АЛЕКСЕЙ. У-у-у! Шедевры мирового значения! После лицезрения его женских образов, на свою не налюбуйешься!

ИВАН. Понятно! Леха, лучше скажи, для чего ты меня вытянул на природу? Могли бы и за сараем выпить!

АЛЕКСЕЙ. Еще чего! В этой антисанитарии пусть наши враги пьют. Иван, ты пойми! Сегодня мой законный выходной день. А в деревне она меня отыщет. И обязательно найдет работу по хозяйству.

ИВАН. И всего-то?

АЛЕКСЕЙ. А мне это надо?

ИВАН. Выходит, ты от своей Галюни бежишь?

АЛЕКСЕЙ. А от кого же еще! Ладно! Не будем о грустном! Сервируем стол.

ИВАН. Что-то Степана не видать! Пора бы уже и подкрепиться. Где он там запропастился?

Друзья принимаются извлекать из сумок выпивку и скромную трапезу. Вдали раздается голос Степана.

СТЕПАН. Ну! Ну! Ну!! У-у-у! Господи! С трех метров! По пустым воротам!? Да вам ноги поотрывать надо!

АЛЕКСЕЙ. О! Вот и он!

ИВАН. Наконец-то!

На берег выходит Степан в шикарной шляпе и с шарфиком болельщика футбольной команды. Приложив к уху миниатюрный приемник, он слушает футбольный репортаж. Не реагируя на присутствие Ивана и Алексея, он молча извлекает из кармана бутылку, ставит на стол и продолжает болеть.

СТЕПАН. Ну! Ну!

ИВАН. Кто играет?

СТЕПАН. Наши!

АЛЕКСЕЙ. С кем?

СТЕПАН. А Бог их знает! Пасуй, придурок! Петрухину пасуй!

ИВАН. Помешался ты на этом футболе!

СТЕПАН. А-а-а! Будь ты проклят!

Иван втягивает голову в плечи.

ИВАН. Ты это мне, что ли?

СТЕПАН. Вратарю!

АЛЕКСЕЙ. Чего это ты его так поносишь?

СТЕПАН. Берет все мячи подряд, сволочь!

Алексей недоуменно пожимает плечами.

АЛЕКСЕЙ. Так что же тут плохого?

СТЕПАН. Как, что?! Я же не за его команду болею!

Приемник заглох. Степан трясет его, то и дело, прикладывая к уху.

ИВАН. Что случилось?

СТЕПАН. Ну вот! Только этого не хватало! Черт бы его побрал!

АЛЕКСЕЙ. Господи! Что на этот раз? Проиграли?

СТЕПАН. Да нет! Батарейка издохла!

Степан прячет приемник в карман.

ИВАН. Ну, и слава Богу! Хоть отдохнешь от этого футбола!

СТЕПАН. Теперь уж придется, *(Спохватывается.)* О! Привет, мужики! Вы уже здесь?

АЛЕКСЕЙ. Да, представь себе!

Иван наполняет стаканы.

АЛЕКСЕЙ. За то, что бы возрадовались души наши, да опьяненные красотой природы, а также ее продуктом хмелесодержащим.

ИВАН *(с безразличием в голосе)*. За это.

СТЕПАН. Ага!

Друзья опустошают питейные емкости и принимаются уничтожать закуску.

АЛЕКСЕЙ. А-а! Хорошо-то как!

СТЕПАН. Еще бы!

ИВАН. Налегайте на бутерброды!

АЛЕКСЕЙ. С рыбой? Не хочется!

ИВАН. Напрасно, Леха! Напрасно! Диетический продукт, однако! Тогда бери котлетку.

АЛЕКСЕЙ. Ваня, я в плане поесть не очень.

СТЕПАН. Я, между прочим, тоже!

ИВАН. Завидую вам. А я, когда выпью, ем как не в себя. *(Вонзает зубы в бутерброд.)* Жаль, что человек не может наедаться впрок. Как верблюд. Горб у него почему-то не растет.

АЛЕКСЕЙ. Почему, не растет? Растет! Правда, спереди!

Иван прекращает жевать и откладывает бутерброд в сторону.

ИВАН (*обиженным голосом*). Ты это... зачем сказал?

АЛЕКСЕЙ. Так! С языка сорвалось! Ты ешь! Ешь!

ИВАН. Не буду!

АЛЕКСЕЙ. Да ты никак обиделся?

СТЕПАН. Иван, брось дурачиться! Ешь!

ИВАН. Понимаете, мужики! Мой живот – это трагедия всей моей жизни. Матрена его асфальтовым катком называет. И говорит, что попасть под него, приятно мало. И, представляете, освободила меня от необходимости исполнять супружеские обязанности.

АЛЕКСЕЙ. Что значит, освободила?

ИВАН. К себе не подпускает. Не хочет со мной любовью заниматься.

АЛЕКСЕЙ. Из-за живота?!

ИВАН. Из-за него проклятого!

Алексей и Степан удивленно ведут глазами.

АЛЕКСЕЙ. Вот не думал, что живот может быть для любовной оргии помехой!

ИВАН. Может, Леха, может!

СТЕПАН. А может, плохо уговариваешь?

ИВАН. Не дождется, что бы я ее еще и уговаривал! Я муж! Пришел, потребовал и все! Становись в позу!

АЛЕКСЕЙ. Так в чем же дело? Потребуй. Имеешь право!

ИВАН. Право-то я имею, но не насильно же его реализовывать.

АЛЕКСЕЙ. Остается одно – уступить!

ИВАН. Ну, ты даешь! Не дождется! Я гордый!

СТЕПАН. Так это... нашел бы женщину на стороне, что ли!

ИВАН. Подумывал об этом. И все же не решаюсь! При живой-то жене! Грех, как ни как!

АЛЕКСЕЙ. Грех мужа к себе не подпускать, и замужних баб ублажать! Остальное не грех!

СТЕПАН. Точно!

ИВАН. Думаете?

АЛЕКСЕЙ. Уверен!

ИВАН. Нет! Не могу.

АЛЕКСЕЙ. Тогда приструни.

ИВАН. Морду ей набить, что ли?

СТЕПАН. А хотя бы и так! Что б боялась!

ИВАН. Руку поднять на женщину? Как можно?

СТЕПАН. Ногой.

АЛЕКСЕЙ. Степа, ты чего?

СТЕПАН. Действительно! Чего это я!

АЛЕКСЕЙ. Иван, не знаю, что тебе сказать? Хотя,... ты худеть пробовал?

ИВАН. Пробовал! Однажды решил даже заняться физкультурой. Бегом трусцой. И побежал! Рано утром, чтобы никто не видел. Да где там! Участковый-то не спит! Погнался за мной. Сволочь! Догнал, скрутил, обыскал. Думал, что украл чего-либо. А это живот. Конечно, извинился и посоветовал с таким животом не бегать. Вызываю, видишь ли, подозрения. Так что, от бега пришлось отказаться.

СТЕПАН. А изнурять себя физическим трудом? Не пытался?

ИВАН. Было дело! Как-то раз решил: издохну, а похудею! За лопату и в огород. Выкопал всю картошку. Матрена увидела и в обморок упала.

АЛЕКСЕЙ. Чего это она?

ИВАН. Как оказалось, картошку на прошлой неделе только посадили. Что на меня нашло?

СТЕПАН. Да-а, приятель! Отмочил ты конкретно! Иван, а как тебе удалось обзавестись таким животом?

ИВАН. Так получилось! Природа наделила меня хорошим аппетитом, а судьба заботливой женой. Казалось бы, чего еще человеку надо? А нет! Вмешалась теща! Вбила своей дочке в голову, что путь к сердцу мужчины проходит через его желудок. И все потуги драгоценной половины стали сводиться лишь к одному – угодить моему желудку.

АЛЕКСЕЙ. Так ведь все съедать она тебя не заставляла. Мог бы и отказаться.

ИВАН. Ты что! Только увидит, что нос ворочу, тут же начинает причитать: – Ванечка, что случилось? Не заболел ли? Съел всего девять яиц из десяти, что я тебе отварила! И одиннадцать котлеток из двенадцати, которые я для тебя вылепила! И вот что ты будешь делать?

СТЕПАН. Невероятно! А объяснить своей драгоценной, чем это чревато не пробовал?!

ИВАН. Пробовал! Сколько раз пытался ей вдолбить, что путь к моему сердцу проходит не через желудок, а аккуратно через низ живота.

АЛЕКСЕЙ. И что?

ИВАН. Она и слушать не хочет. Мама сказала! Мама сказала! Нет! Поначалу все было хорошо. Я балдел от ее стряпни за столом, а она от меня в постели. Но долго радоваться мне не пришлось. Уже через полгода я не влезал в брюки. А еще через полгода начал замечать, что любовные забавы со мной для нее стали превращаться в пытку. И тут она заявляет, что мое желание овладеть ею не совпадает с ее желанием мне отдаться. Представляешь? Культурно намекнула на живот.

СТЕПАН. Да нет, Ваня! Не на живот она намекнула!

ИВАН. А на что же?

АЛЕКСЕЙ. На неуважительное к ней отношение.

СТЕПАН. Точно! На неуважительное отношение!

ИВАН. Ну, вы даете! Не дождется!

Алексей разводит руками.

АЛЕКСЕЙ. Ну, не знаю, что тебе посоветовать?

ИВАН. Ничего не советуй! Я от нее ушел.

АЛЕКСЕЙ. Ушел?! Как, ушел?

СТЕПАН. Куда?

ИВАН. В другую комнату. Решил, что в угоду ей худеть не стану. Так ей и сказал.

АЛЕКСЕЙ. И как она отреагировала?

ИВАН. А никак! Думал, скулить начнет, просится! Где там! Ей хоть бы что, а я что ни ночь на стену лезу! Что делать? Ума не приложу!

СТЕПАН. Интересно, а как же она без любви обходится?

ИВАН. Вот и я думаю, как? Нет! У нее определенно кто-то есть!

АЛЕКСЕЙ. Ну, кто у нее может быть?

ИВАН. Савка, например!

СТЕПАН. Чего это тебе в голову взбрело?

ИВАН. Понимаете, мужики, я этого пижона терпеть не могу, а он существует!

АЛЕКСЕЙ. Почему не можешь? Мужик, как мужик! Образованный!

ИВАН. Подумаешь! Образованный! Интеллигент хренов! Ведь в деревне живет, а одевается, будто он из столицы!

СТЕПАН. Ваня, так что же тут плохого?

ИВАН. А что хорошего, если бабы вьются вокруг него, как мухи? И замужние, и не замужние.

АЛЕКСЕЙ. И что с этого?

ИВАН. Так ведь он перед ними шляпу снимает, цветочки дарит! А бабы ж дуры! Млеют! А моей, давеча, представляешь, руку поцеловал!

СТЕПАН. И всего-то?

ИВАН. Да я его только за это убить готов! И ведь когда-нибудь точно грохну!

Алексея охватывает ужас. Он округляет глаза и втягивает голову в плечи.

АЛЕКСЕЙ. Господи! Это же грех!

ИВАН. А я пойду в церковь! Покаюсь! Батюшка, глядишь, грех и отпустит!

АЛЕКСЕЙ. Думаешь, отпустит?

ИВАН. Отпустит! Куда он денется? Если бы не отпускал – кто бы грешил?

АЛЕКСЕЙ. Может оно и так! Но что бы Савка и твоя Матрена шашни крутили? Ни за что не поверю!

ИВАН. Ах, так! Хорошо! Тогда ответь мне, почему он все время на заборе висит, когда я с работы возвращаюсь? Хоть бы кто-нибудь ему этот забор подпилит, что ли!

АЛЕКСЕЙ. Ну и пусть себе висит. Тебе-то что?

ИВАН. Так ведь он меня еще и поддеть норовит. Поздоровается, паразит, и спрашивает: – Как здоровьишко? Так и хочется ответить: – Если бы ты помер, было бы лучше! Вот скажи, какое ему дело до моего здоровья?

АЛЕКСЕЙ. Ну, не знаю! Может просто знак вежливости?

ИВАН. Как же! Вежливости! Да он ждет, когда я помру!

АЛЕКСЕЙ. Ну, ты даешь!

ИВАН. Я даю! Меня не проведешь! Вот почему он не женится?

АЛЕКСЕЙ. Не знаю! Это надо у него спросить.

ИВАН. А ведь я однажды спросил. Знаешь, что ответил?

АЛЕКСЕЙ. Что?

ИВАН. Говорит: – Не хочу, потому как, все бабы стервы! Об этом даже в песне поется!

СТЕПАН. Так и сказал?

ИВАН. Так и сказал!

Степан, недоумевая, разводит руками.

СТЕПАН. Не знаю, что и сказать.

ИВАН. Ладно! Проехали! Закрываем эту тему. Наливай! И больше об этом ни слова!

Алексей разливает водку по стаканам. Друзья их молча опустошают.

АЛЕКСЕЙ. А-а! Единственное утешение в жизни! Хорошо хоть оно есть!

СТЕПАН. Это точно!

Иван набрасывается на еду. Алексей и Степан пребывают в замешательстве.

АЛЕКСЕЙ. А знаете, мужики, моя драгоценная половина тоже далеко не подарок!

ИВАН. Наслышан! А понять не могу! Как ты на ней женился?

АЛЕКСЕЙ. Обманом меня заполучила!

СТЕПАН. Обманом?! Это как?

АЛЕКСЕЙ. Элементарно, братцы, элементарно! Затащила в Сельсовет, с паспортом, якобы быть свидетелем на ее процессе бракосочетания, а тут на тебе! Жених не явился! А председатель Сельсовета шампанское уже открыла! И чтобы не зря, бабахнула штамп в мой паспорт. А Галя мне сделала предложение! От удивления Иван округлил глаза и открыл рот.

ИВАН. Да разве такое бывает?

АЛЕКСЕЙ. В нашей жизни бывает и не такое!

СТЕПАН. И как вы живете?

АЛЕКСЕЙ. Первое время жили хорошо! И любовные забавы нам были в радость. Пока не купили телевизор. Вот тут-то все и началось. Галя стала приобщаться к цивилизации.

ИВАН. Приобщаться? Это как?

АЛЕКСЕЙ. Приходит с работы, включает телевизор и приобщается, и приобщается. Мне ей компанию составить не получалось. Понятное дело, уборка, стирка, готовка. А тут еще куры, огород. Познавал я эту цивилизацию, разве что, на слух.

ИВАН. На слух?!

АЛЕКСЕЙ. Понимаешь, Иван. Смотреть телевизор я не смотрел, а к звуку прислушивался. И вот, однажды, слышу, как с экрана доносится истошный женский стон. Ну, думаю, либо она рожает, либо ее душат. Оказалось ни то, ни другое.

СТЕПАН. А что это было?

АЛЕКСЕЙ. Прелюдия! Знаешь, что это такое?

ИВАН. Не!

СТЕПАН. И я не знаю.

АЛЕКСЕЙ. Я тоже не знал. Поначалу думал – извращение. А нет! Как утверждает она – это цивилизованный способ разжигания в женщине любовной страсти.

СТЕПАН. погоди, Леха, погоди! Я считал, что такая проблема существует только в отношении мужиков. А выходит, что и женщину надо разогревать?

АЛЕКСЕЙ. Выходит! И как выяснилось, в этом деле без специальной подготовки не обойтись. Это не сгрёб бабу и под себя, а там как получится. Это целая наука.

ИВАН. Да ты что!?

АЛЕКСЕЙ. А ты думал! Тут надо знать ласковые слова, эрогенные точки на теле женщины и возбуждать их в определенной последовательности. А я, то слова забываю, то точки путаю, то последовательность. Это ее бесит, а у меня охота пропадает. Всю ночь, после очередной неудачи, она мне эпитеты подбирает. Одним словом, вся моя жизнь превратилась в сплошной кошмар. А однажды прямо днем без всяких там прелюдий взяла и захотела! А я захотеть не успел. Так она в порыве страсти грохнула меня о печь.

СТЕПАН. О печь?! Ни фиги себе! Чего это она?

АЛЕКСЕЙ. Говорит, что нечаянно уронила.

ИВАН. Вот это женщина! Больно было?

АЛЕКСЕЙ. Не! Боли я не почувствовал. Потерял сознание, пока летел. Очнулся уже на полу. Но, если судить по последствиям, а целой осталась лишь резинка от трусов, разозлил я ее серьезно. Вот как объяснишь глупой женщине, что не может мужик реагировать на ее желания с такой же скоростью, с какой они у нее появляются! Поэтому, судьбу не испытываю. Время от времени подхожу и спрашиваю, мол, если хочешь, то через час буду готов.

СТЕПАН. И тебе приходится терпеть такое к себе отношение?

АЛЕКСЕЙ. Так это еще что! Каждое утро ей к пяти на дойку. А спит возле стенки. И встать так, чтобы не уронить меня на пол, у нее не получалось. Причем, делала это очень изощренным способом: резкое движение тазом и я в воздухе. Противоположная стена останавливала мой свободный полет, и я пикировал на посадку. Выпускать шасси не успевал. Приземлялся на пузо. Через месяц свыкся с судьбой и приспособился к этой ситуации. Причем, на рефлекторном уровне. Петух – ку-ка-ре-ку – я с кровати на пол грох – она просыпается. А бывало, днем прилягу прикорнуть, а этот дурень возьмет и кукарекнет. Я на пол и... Обидно черт побери!

ИВАН. Да-а! Дела-а!

АЛЕКСЕЙ. Не знал, что и делать. И вот, однажды, слышу голос с экрана. Кто-то сообщает, что от хорошей жизни мужики не спиваются. О, думаю, это мне подходит. Ведь мою жизнь хорошей не назовешь. А тут, все ж, как ни как, утешение. Уже вечером после работы я предстал перед Галей пьяным в дребодан, упал на кровать и заснул под ее бранно поучительную речь. Четыре дня я демонстрировал свое слабование и полное безразличие к сексу.

СТЕПАН. И?

АЛЕКСЕЙ. На пятый день слышу, будит. Оглядываюсь, а я не на полу. Галя, к моему удивлению, в слезах. Уж не случилось ли что с петухом, спрашиваю. А она: – Что с тобой случилось? И потребовала объяснений. Я ей и отвечаю, мол, становлюсь цивилизованным человеком. Прямо, как в телевизоре. Галя тяжело вздохнула, поднялась с постели и принялась собирать чемоданы. Мне стало не по себе. Я тут же бросился ей помогать. Смотрю, и ей стало не по себе. И она принялась разбирать чемоданы.

ИВАН. Помирились?

АЛЕКСЕЙ. Где там! Это стало началом семейного террора.

СТЕПАН. Разборки устраивала, что ли?

АЛЕКСЕЙ. Еще какие! Избивала меня! Причем, избивала ночью! Особенно, когда я находился в невменяемом состоянии настолько, что на следующий день ни хрена не помнил. Бывало утром, хватить за глаз, а там фингал! Откуда, спрашиваю? А она: – На грабли наступил! Какие грабли, говорю. Чтобы схлопотать такой фингал, надо наступить, как минимум, на прицеп от трактора.

ИВАН. Да-а!

СТЕПАН. Серьезная женщина!

АЛЕКСЕЙ. А вы думали! О! Видали? *(Показывает шрам на голове.)* Сковорода! Тефаль! Двадцать восемь сантиметров! А это! *(Показывает второй шрам.)* Таз! Эмалированный!

Степан округляет глаза.

ИВАН. Леха, этот шрам у тебя еще со школы.

АЛЕКСЕЙ. Этот... да! Таз мимо пролетел! А мог и в голову угодить! А однажды поперхнулся, а она мне кулаком по спине! И все! Три раза обежал вокруг стола на четвереньках! Дышал на счет четыре! А потом полчаса спину выгибал в другую сторону! О, как!

СТЕПАН. Не может быть!

АЛЕКСЕЙ. Может, Степа, может! Как в ящик не сыграл раньше срока?! Ума не приложу!

ИВАН. Да-а! дела! Женщина она здоровая! Попасть под ее кулак – приятного мало! Но, чтобы так! Это же не баба! Мафия какая-то!

АЛЕКСЕЙ. Да что я! Ее даже колхозный бык Абдула, как огня боится! Тот до сих пор, только ее увидит, под пол коровника забиться норовит!

СТЕПАН. Господи! Он-то чего?

АЛЕКСЕЙ. Чего-чего! Вот представьте себе, выводит Галя корову, привязывает к дереву и Абдулу подводит. А эта невинная буренка только что из стойла. Грязевую процедуру принимала. Ватерлиния аккурат на уровне хвоста. И вот это бедное животное под таким экзотическим макияжем хочет, что бы Абдула ее захотел. Я его как мужика понимаю. На нее глянешь – импотентом стать можно. А ему надо еще и захотеть. Он, понятное дело, уперся рогом, и ни в какую. И тогда она решила воздействовать на его эрогенную зону. А ты знаешь, где у быка эрогенная зона?

СТЕПАН. Нет!

АЛЕКСЕЙ. Я тоже не знал. Это хвост.

ИВАН. Хвост?

АЛЕКСЕЙ. Хвост, Ваня, хвост! Вот его она быку и крутанула! Тот, не то, что бы на корову, на дерево заскочил!

СТЕПАН. Шутишь?

АЛЕКСЕЙ. Так и было! Я иногда думаю, хорошо, что у меня нет хвоста!

ИВАН. Чего это тебе взбрело?

АЛЕКСЕЙ. Так! Рассуждаю! Окажись у меня такой, точно по потолку бегать пришлось бы!

ИВАН. Господи! С виду баба, как баба! Чего ей не хватает?

СТЕПАН. Секса! Чего же еще!

АЛЕКСЕЙ. Его! Будь он не ладен!

ИВАН. Это она так тебя домогается?

АЛЕКСЕЙ. А ты думал!

СТЕПАН. И ты терпишь?

АЛЕКСЕЙ. Терплю! А куда денешься? Однажды, имел неосторожность возмутиться. Ты, говорю, не женщина. Ты Сатана. Знаешь, что ответила? Нет? Не Сатана, говорит, а Бог. Потому как, чего хочет женщина, того хочет Бог. А отказать ей, равно как отказать Богу. Стало быть, если и наказывает она тебя, то и воспринимай это, как Божье наказание.

СТЕПАН. Да ты что?!

АЛЕКСЕЙ. Во-во! И я чуть со стула не упал!

Иван вскакивает, как ошпаренный, и принимается ходить взад-вперед.

ИВАН. Почему моя любви не добивается? Уж я бы не позволил ей так себя изводить! (Вскидывает к небу руки.) Господи! Сделай так, что бы ей любви захотелось! Чего тебе стоит?

АЛЕКСЕЙ. Ваня, хватит себя изводить! Сколько можно? Давай сменим тему!

ИВАН (упавшим голосом). Давай!

Степан украдкой выходит из-за стола.

СТЕПАН. Ну, я пойду?

АЛЕКСЕЙ. Куда?

СТЕПАН. Домой. Вырвался ненадолго. Сказал, что у соседа футбол смотрю. А он уже заканчивается.

Иван с Алексеем переглядываются.

АЛЕКСЕЙ. А поговорить?

СТЕПАН. О футболе, что ли?

ИВАН. О женщинах!

СТЕПАН. Да будет вам!

ИВАН. Представь, приятель, что это так!

СТЕПАН. Интересно! И что же вас в них интересует?

ИВАН. Все! Но, по порядку! Вот как ты со Стешкой живешь? В согласии? Или нет?

СТЕПАН. О каком согласии ты говоришь, если она в футболе не разбирается? Давеча до часу ночи объяснял ей, что такое офсайд! И ты думаешь, она поняла?

ИВАН. Я не об этом. Я о сексе!

СТЕПАН. А что секс?

ИВАН. Как у вас с этим дела обстоят?

СТЕПАН. Ничего себе вопросик! Это... как его... мужики, можно я еще хряпну?

АЛЕКСЕЙ. Хряпни!

Алексей наполняет стакан. Степан залпом опустошает его.

СТЕПАН. Секс! – обозначил он тему. – Не знаю, что и сказать? В двух словах и не расскажешь, а рассказывать долго.

ИВАН. А мы не спешим.

СТЕПАН. Ладно! Слушайте. Значит так! Это... как его...

Степан вскакивает со скамейки, хватается за голову и в отчаянии вопит:

Господи! Что творится?! Что творится?!

АЛЕКСЕЙ. Ты чего?

СТЕПАН. Вы только представьте себе! С трех метров! По пустым воротам!

ИВАН. Тьфу ты! Дался тебе этот футбол! Не отвлекайся!

СТЕПАН. Мужики! Не терзайте душу! Для меня секс – это больная тема. Может, не будем?

ИВАН. Что? Не возникает желание? Или она к себе не подпускает?

СТЕПАН. О-о! Е-е-если бы!

АЛЕКСЕЙ. А что тогда?

СТЕПАН. Требует!

ИВАН. Чего?

СТЕПАН. Секса. Чего еще? Причем, в ультимативной форме. И когда ей вздумается.

ИВАН. Даже так!? *(Погружается в раздумья.)* Ничего не понимаю! Тогда почему ты на жизнь жалуешься? Радоваться должен!

СТЕПАН. Чему радоваться!? Годы ведь уже не те. Где сил для секса набраться? Ума не приложу! А отказать ей не имею морального права, по причине аморального поступка, мною совершенного в отношении ее по молодости лет. Вот и приходится свой грех искупать.

Иван и Алексей переглядываются и недоуменно пожимают плечами.

АЛЕКСЕЙ. Господи! Уж не изнасиловал ли ты ее?

СТЕПАН. Нет! Как бы она на этом не настаивала.

ИВАН. Леха, ты чего-нибудь понимаешь?

АЛЕКСЕЙ. Нет!

ИВАН. Я тоже нет! Степан, поведай нам, что за грех у тебя на душе.

АЛЕКСЕЙ. Внеси ясность.

СТЕПАН. Ладно! Слушайте! Был я еще до женитьбы спортивной охотой одержим. Любил с ружьем по лесу побродить.

АЛЕКСЕЙ. Это я помню.

СТЕПАН. И вот, однажды, слышу, как в малиннике кто-то чавкает. Ну, думаю, не иначе медведь. Обрадовался и решил жителей деревни медвежатиной побаловать. Стал подкрадываться к уже обреченному объекту своей охоты.

ИВАН. И?

СТЕПАН. Крался я, крался, пока стволами Стешке в ноздри не уперся. Та с перепуга на землю и грохнулась. Я хватился за голову. Стешка, говорю, это я, Степа, вставай. Стешка открыла глаза, кулаками навела резкость, перевела дух и придавленным голосом: – Ой, и в правду Степа. Ну, давай, говорит, чего уж там, приступай. А я ей: – К чему приступать-то? Она же посмотрела на меня удивленными глазами и говорит: – А ты что, насиловать меня не собираешься? – Господи! – говорю, – Стешка! Как ты могла подумать такое? А она: – Это... как же понимать? Я тебе что, не нравлюсь? Да нравишься, нравишься, говорю. Только как можно невинную девушку подвергать такому истязанию? А она: – Подвергай-подвергай! Я согласная. Все равно в милиции не поверят, что этого не было. Так что, лови момент.

АЛЕКСЕЙ. В милиции!? Так и сказала?

СТЕПАН. А ты думал! Ну, уж не-ет, говорю, не докажешь! А она: – А чего тут доказывать? Порвано платье, поцарапано тело. А я ей: – Платье твое не порвано, тело не поцарапано. А она: – Не вопрос! А еще и угроза огнестрельным оружием. Так что, жениться придется. – Ничего не получится, говорю. Тебе меня не опутать. И тут она как заверещит: – Господи! Да что же это творится? В каком-то веке довелось оказаться в такой ситуации, и на тебе! Мужика уговаривать приходится! Низвергла весь свой словарный запас нецензурных выражений, вскрикнула и скорчила болезненную гримасу.

ИВАН. Что случилось?

СТЕПАН. Не могу встать, говорит. У меня от испуга внутри что-то оборвалось. Нести придется. Я снова хватился за голову. Да ты в своем уме? – спрашиваю, – В тебе ведь семь пудов живого веса, а до поселка версты четыре. Разве я осилю? А она: – Тогда лечи здесь. Хорошо, говорю. Как лечить? А Она: – Стрессом, родной, стрессом. Истязай, или хотя бы, пообещай, что женишься на мне. Для меня это тоже, что выстрел из ружья. Ну, если так, рассудил я, так в чем же дело? И как пальну вверх из двух стволов! Когда дым рассеялся, Стешка лежала на земле, охватив голову руками. Я ужаснулся. Бросился к ней, перевернул на спину и приложил ухо к ее груди. И вдруг, слышу: – Ты готов мне сделать предложение стать твоей женой? Или предпочтешь небо в клеточку?

ИВАН. И ты...

СТЕПАН. А что мне оставалось делать? Согласился! Она тут же вскочила на ноги, обняла меня за плечи и поволокла за собой, напевая марш... это... как его... а! Мельденсона.

АЛЕКСЕЙ. И ты женился на ней?

СТЕПАН. Не-е! Только через год.

АЛЕКСЕЙ. Как, через год?!

СТЕПАН. Так это... я в тот раз сбежал из-под венца! Прямо тогда же и сбежал.

ИВАН. Сбежал?! Да ты что?!

СТЕПАН. Ну да! Когда мы, после такого сватовства в лесу, возвращались домой, она вспомнила про корзину с ягодами. Стой здесь, говорит, я сейчас вернусь! И направилась на поиски корзины. А я, не будь дураком, на пяту. И только через год наши пути снова пересеклись. На этот раз я притаился в кустах и подглядывал за девицами. Они ж купались абсолютно, в чем мать родила.

АЛЕКСЕЙ. Ну-ка, ну-ка, ну-ка! С этого места поподробнее!

СТЕПАН. Для удобства подглядывания, я тоже частично обнажился. И так увлекся, что и не заметил, как Стешка сзади подкралась и... хлопнула мне по плечу. От испуга я чуть было не обделался. Прямо на задницу и грохнулся. А она: – Ой! Степа! Тебе плохо? А я и сказать ничего не могу. Язык задеревенел. Смотрю на нее, глазами хлопаю. А она как есть голая. А у меня, на мою беду, активировалась функция готовности к размножению. Стешка заметила и тут же, как тигрица на дичь, набросилась на меня. Я возмутился и потребовал объяснений. Что ты делаешь? спрашиваю. А она, запыхавшись : – стресс снимаю, говорит. Интенсивная стрессотерапия называется. Прости, говорит, ружья нет!

ИВАН. Да ты что?!

СТЕПАН. Мамой клянусь! У меня глаза носились по орбитам как бешенные. – Господи! – восклицал я про себя, – но ведь это же приятно! Кто бы мог подумать? Ах, думаю, какое блаженство! И какой же я осел! Какой осел!!

АЛЕКСЕЙ. Да-а! Конечно же, после этого тебе Богом велено было жениться.

СТЕПАН. Да уж! Так оно и случилось! Но в тот момент мою душу терзали воспоминания. Еще бы! Вместо того, чтобы еще тогда в лесу снять с нее стресс таким способом, и самому получить удовольствие, я заставил ее страдать.

ИВАН. Ну, ты за тот случай, конечно же, извинился?

СТЕПАН. За тот случай я до сих пор свою вину искупаю. А на тот момент, продолжая пребывать в блаженстве, обнял свою спасительницу, что бы она с меня не скатилась, прижал к себе и больше ее не отпускал. И вот уже сколько лет, как мы вместе, а она все никак не может мне простить тот нелепый случай в лесу. Достала своими воспоминаниями – спасу нет! И мне, в порядке искупления своей вины, до сих пор приходится компенсировать ей еще тогда упущенное удовольствие. И ведь никуда не денешься! Исполняю!

АЛЕКСЕЙ. Романтическая история! Ну ты, я думаю, не жалеешь о случившемся?

СТЕПАН. А чего жалеть? Баба, как баба! У других не лучше! Рябая, правда!

Алексей и Иван смеются.

Что гы-гы? Что гы-гы! Зато, когда она рядом, мухи на меня не садятся. Все на ней! Ползают, изучают. Ни хрена понять не могут веснушки это, али так чем помазано!

Иван вскакивает с места, хватается за голову и начинает бешено резать круги вокруг стола.

ИВАН. А-а-а! Не-ет! Я точно с ума сойду! Надо же! Как Бог не справедливо делит! У всех жены, как жены! И только у меня ненормальная! Чего я на Стешке не женился? А ведь мог! Господи! Сделай так, чтобы Матрене любви захотелось!

АЛЕКСЕЙ. Не рви себе душу, Иван! Уступи! Матрена нормальная женщина!

СТЕПАН. Господи! Что творится? Что творится?!

АЛЕКСЕЙ. Что? Опять? С трех метров по пустым воротам?

СТЕПАН. Не-ет! Почему я на Матрене не женился?!

Алексей и Иван переглядываются и пожимают плечами.

ИВАН. Степан, ты... это... чего?

СТЕПАН. Счастливый ты человек, Ваня!

ИВАН. Счастливый?! Шутишь, что ли?

СТЕПАН. Да нет. Не шучу. А знаешь ли ты, мой юный друг, что мне всю жизнь хотелось, чтобы ей не хотелось. А тут на тебе! Такой подарок судьбы! Ей не хочется, а ты с ума сходишь! Но, увы! Против природы не попрешь!

ИВАН. Что ты имеешь в виду?

СТЕПАН. В народе говорят, как? Чего не хочет женщина, того не хочет Бог. И навязывать ей свою волю, равно как гневить Бога. А ты предпочитаешь его гневить?

ИВАН. Степа, но ведь я умру без этого.

СТЕПАН. Ишь как тебя прихватило! Однако лучше умереть от воздержания, чем от Божьей кары.

ИВАН. Неужели это настолько серьезно?

СТЕПАН. А ты думал!

Иван погружается в раздумье. Затем вскидывает к небу руки и чуть слышно произносит:

ИВАН. Боженька! Будь другом! Сделай так, чтобы меня не тянуло к женщинам!

АЛЕКСЕЙ. Мужики, давайте сменим тему.

СТЕПАН. Давно пора. Поговорим про футбол. Господи! С трех метров по пустым воротам...

ИВАН. Не-ет! Только не про футбол!

АЛЕКСЕЙ. И не про женщин. Кстати, вчера по ящику льва показывали.

СТЕПАН. Толстого, что ли?

АЛЕКСЕЙ. Не-е! Самого что ни есть, царя зверей! Гонял там каких-то придурков по Питеру! Те у него, якобы, золотишко свистнули, так он хотел им репу начистить!

СТЕПАН. Начистил?

АЛЕКСЕЙ. Где там! Кинули, как пацана! Мафия, конечно! Иначе лев их сделал бы! Зверь серьезный! Но, видать, на Питерскую братву у него кишка тонка!

ИВАН. А вот нам бы он сгодился. Ох, как сгодился бы!

АЛЕКСЕЙ. Нам?! Для чего?

ИВАН. Вот представьте себе: мы идем по деревне и льва ведем на поводке. Представили?

СТЕПАН. Ну! Представили!

ИВАН. Куры врассыпную, кони на дыбы, собаки хвосты поджали, в будки попрятались, мужики протрезвели, бабы в обморок! Здорово?

АЛЕКСЕЙ. Здорово!

ИВАН. А мы идем...

СТЕПАН. К председателю!

ИВАН. Зачем?

СТЕПАН. Попрошу, что бы мой портрет повесил на Доску Почета рядом со своим.

ИВАН. Не получится! Доска маленькая. На один портрет рассчитана.

СТЕПАН. Тогда мы пойдем...

ИВАН. К Савке!

АЛЕКСЕЙ. А к нему-то зачем?

ИВАН. Пол сменим этому паразиту! Пусть после этого мужикам глазки строит! Те ему их быстро отретушируют!

АЛЕКСЕЙ. Ты опять? Мы ведь уже сменили тему.

ИВАН. Вот сменим ему пол, и сменим тему.

Алексей недоуменно пожимает плечами.

АЛЕКСЕЙ. Пол, говоришь? Это как?

ИВАН. Очень даже просто! Смажем его полоопределяющий орган коровьим маслом и пожелаем льву хорошего аппетита.

СТЕПАН. А если он откажется?

ИВАН. Кто? Лев? Откажется от такого бутерброда? Шутишь, что ли?

СТЕПАН. Я не о нем. О Савке.

ИВАН. А мы у него и спрашивать не будем. Проведем экзекуцию и все.

АЛЕКСЕЙ. Как?

ИВАН. Вот представьте себе. Мы в ногу друг за другом в белых халатах, марлевых повязках на лицах и со львом на поводке входим во двор к Савке. Савка в растерянности мечется по уже контролируемой нами территории, но наша группа захвата, не нарушая строй, преследует противника. И вот неприятель загнан в угол между домом и верандой. Я наступаю льву на хвост. Тот рычит. Савка падает в обморок. Мы же его подхватываем, укладываем на садовый столик, вытряхиваем из штанов и операция началась. Ты тампоном промокаешь пот у меня на лбу. Я протягиваю руку, и ты подаешь...

СТЕПАН. Пачку сливочного масла, что ли?

ИВАН. Не-е!

СТЕПАН. А что?

ИВАН. Серп! Я принимаю инструмент и пальцем проверяю его на шершавость. Затем, блаженствуя, с нескрываемым удовольствием, ввожу его в зону операции.

АЛЕКСЕЙ. А я марлевую повязку натягиваю на глаза.

ИВАН. Для чего?

АЛЕКСЕЙ. Крови боюсь!

ИВАН. Привыкнешь! Я возвращаю тебе повязку на место и подношу кулак к твоей морде. Твои широко раскрытые глаза тут же сужаются до японского стандарта. Раздается выстрел! Из зоны операции вылетает уже не нужная часть Савкиного организма. Лев ловит на лету. В это время Савка приходит в себя. Я наступаю льву на хвост. Тот рычит с удвоенной энергией, и Савка отключается снова. А лев...

СТЕПАН. Падает замертво!

Иван безумными глазами смотрит на Степана.

ИВАН. Почему?

СТЕПАН. Потому, что ты нечаянно, вместо хвоста, отдал ему его мужские достоинства.

ИВАН. Ты что, сдурел? Чуть всю обедню не испортил!

СТЕПАН. Это я так! Фантазирую!

ИВАН. Еще раз так пофантазируешь – льва спущу!

СТЕПАН. Я больше не буду!

ИВАН. То-то! И так! Операция завершена! Мы натягиваем Савке штаны, ударяем ладонями высоко поднятых рук, как это делают баскетболисты, и идем...

АЛЕКСЕЙ. Сдаваться!

ИВАН. Как, сдаваться? Кому?

АЛЕКСЕЙ. Участковому, наверно! Ведь за такие деяния судить будут!

ИВАН. Судить? Кого?

АЛЕКСЕЙ. Нас, конечно!

ИВАН. Леха, ты охренел, что ли? За что?

АЛЕКСЕЙ. Да за эту ... как ее ... экзекуцию.

ИВАН. Какую экзекуцию? Ты это о чем? Когда такое было, что бы судили человека за то, что он смазывал трущийся орган своему соседу экологически чистым продуктом? Или желал экзотическому зверю приятного аппетита?

АЛЕКСЕЙ. Так ведь...

ИВАН. Стоп, Леха! Вот льва пусть и судят. А мы с тобой выходим за калитку, и прячемся в кустах. Понятно?

СТЕПАН. Зачем?

ИВАН. Чтобы наблюдать за дальнейшими событиями. Он медленно приходит в себя. Оглядывается по сторонам, удивленно пожимает плечами, слезает со стола и начинает переступать с ноги на ногу, как это бывает, когда возникает острая необходимость справить малую нужду. Расстегивает ширинку, запускает туда руку и приступает там старательно шарить.

АЛЕКСЕЙ. Вот удивится, когда не найдет чем! – восторженным голосом воскликнул Алексей.

ИВАН. Еще бы! Обыскивает карманы. На четвереньках ползает вокруг стола, недоумевая, где он мог потерять. Садится, достает платок, вытирает пот и сморкается. И тут она замечает, что его усы остались в носовом платке. Достает их, убеждается, что это из-под его носа и отводит голову в сторону. Лицо становится миловидным и спокойным. Плавной походкой, которой может позавидовать даже манекенщица, он выходит со двора. Останавливается возле липы, опирается на нее, выставляет вперед колено и начинает глазами стрелять по сторонам. Здорово?

СТЕПАН. Здорово!

ИВАН. А по дорожке идет...

АЛЕКСЕЙ. Участковый!

Иван набрасывается на него.

ИВАН. Ты чего пристаешь с этим участковым? Мужик идет! Пьяный! В дупель! Савка выходит к нему навстречу и начинает строить глазки, время от времени, проводя языком по верхней губе.

АЛЕКСЕЙ. Кому?

ИВАН. Что, кому?

АЛЕКСЕЙ. Проводит языком по верхней губе. Мужiku, что ли?

ИВАН. Ну, тупица! Себе, конечно! Это жест такой! Проявление страсти! Понятно?

АЛЕКСЕЙ. Понятно!

ИВАН. Мужик долго смотрит на это чудо, пытаюсь понять, что ему от него нужно, и заезжает этому придурку в глаз. Савка с визгом убегает к себе во двор и, рыдая от досады, растирает свой ушибленный зрительный орган. И мы с чувством глубокого удовлетворения покидаем укрытие и идем...

АЛЕКСЕЙ. И на этот раз...

ИВАН. Нет! Не-ет!! Не-е-ет!!! Не к участковому! Не к участковому!!

АЛЕКСЕЙ. Да я и не имел его в виду! Я хотел сказать, что идем к моей Галюне! Заодно и ее приструним! Не упускать же такой шанс! Приходим, и я стучу в дверь. Она открывает, а тут мы слевой. И она...

СТЕПАН. Заезжает тебе в ухо.

АЛЕКСЕЙ. Степа, ты чего?

СТЕПАН. погоди, Леха, погоди! Давай разберемся! Львом твою не напугаешь! Я не уверен, что он окажется ее круче. У него с Абдулой хвосты-то одинаковые. Да и Питерская братва его не боится.

АЛЕКСЕЙ. Это ж царь зверей!

СТЕПАН. Царь-то царь! Но ведь я, однажды, льва за хвост дернул. Тот чуть не умер со страха.

ИВАН. Ты?! Живого льва?! Я не ослышался?

СТЕПАН. Нет, не ослышался!

ИВАН. Не верю.

АЛЕКСЕЙ. И я не верю! Если кому и представится возможность дернуть живого льва за хвост, то сделать это он сможет только один раз в жизни. Правда, рассказать об этом он уже не сможет.

СТЕПАН. А чего тут такого? Лев-то был в клетке. В зверинце. Как сейчас помню. Подхожу к этой самой клетке, а его и не видать. Одна тощая задница и вывалившийся за решетку хвост. А мне довольствоваться таким его видом как-то и не хотелось. Деньги-то уплачены. Вот! Я и дернул, дабы он хоть немного взбодрился.

АЛЕКСЕЙ. И что?

СТЕПАН. Ничего! Лев подпрыгнул, забился в угол, хвост поджал и глаза таращит. Ни хрена понять не может, за что его так.

АЛЕКСЕЙ. Можешь считать, что твоему льву повезло. Посему видать, в шкуре родился. А если бы ему хвост крутанула моя Галюня? Представляешь, что бы было? Из этой самой шкуры выскочил бы точно. На мафию не льва, а мою Галюню натаскивать надо. Что ей Питерская братва! Ее разозлишь, она кого хочешь на уши поставит!

ИВАН. А Савку, того, вообще, в порошок сотрет!

СТЕПАН. Не-е, Ваня! Савку она на руках носить будет!

Иван подскакивает, словно ошпаренный, и, ухватив Степана за грудки, принимается трясти его, как грушу.

ИВАН. Ты это чего? Специально меня достаем? Праздник испортить хочешь? А ну отвечай, почему так сказал? Что-то знаешь?

СТЕПАН. Так... это все знают!

ИВАН. Как, все?! Что?! А ну говори, не то я тебя...

Иван трясет Степана так, что у того язык вываливается изо рта, и он не может произнести ни слова. Наконец, Степану удается с собой совладать, и он предпринимает попытку объясниться.

СТЕПАН. Хорошо-хорошо! Только успокойся. Ваня, ты пойми! Женщины – это такой народ! И не предсказуемы, и не логичны. Но если им дарить цветы и снимать перед ними шляпу, разве они позволят себе руку на мужиков поднять? Или повесить на них голос? Да они их на руках носить будут! Кто же этого не знает?

ИВАН. И все?!

АЛЕКСЕЙ. А разве этого мало? Бабы, какими бы они стервами не были, а ласку любят.

Прожигая друзей безумными глазами, Иван пытается осмыслить услышанное. Затем разжимает кулаки, поправляет Степану воротничок и молча отходит в сторону.

ИВАН. Да уж! Этого у них не отнять! Природа и та на их стороне! И мы с ней воюем! Чего добиться хотим? А ведь как мало надо, чтобы тебя носили на руках!

К праздной компании с ружьем за спиной подходит Петрович.

ПЕТРОВИЧ. Привет честной компании!

АЛЕКСЕЙ. Дед, ты все партизанишь?

ПЕТРОВИЧ. Так это... на охоте я.

СТЕПАН. И не жалко тебе убивать этих бедных зверюшек?

ПЕТРОВИЧ. Я их и не убиваю. Патроны не беру.

ИВАН. А ружье для чего носишь?

ПЕТРОВИЧ. Привычка.

АЛЕКСЕЙ. Что ж! Проходи, подсаживайся. Пригуби малек.

ПЕТРОВИЧ. Не откажусь.

Алексей наполняет старику стакан. Петрович выпивает.

ИВАН. Дед, все хочу у тебя спросить, как у профессионального рыбака и охотника, а почему не стало рыбы в наших озерах?

ПЕТРОВИЧ. Откуда ей взяться-то, если вся повымирала? А какая была рыбалка! У-у-у! Еще мой прадед судаков по килограмму выуживал. Да и я, помню, в маленстве щук на спиннинг брал! О! С руку! А теперь что? Засадили берега овсом и кукурузой! И все! Все удобрения дождем смываются в озера. Вот и вымерла вся живность в них. Земли, видишь ли, под сельскохозяйственные культуры в наших краях не хватает!

ИВАН. Да-а! Грустная история! А куда подевалась дичь из наших лесов?

ПЕТРОВИЧ. Так... это... понятное дело! Пьяные охотники ее и разогнали.

ИВАН. Истребили, что ли?

ПЕТРОВИЧ. Если бы истребили! А то ведь просто вынудили покинуть наши живописнейшие уголья!

АЛЕКСЕЙ. Охотники вынудили покинуть, что ли?

ПЕТРОВИЧ. А то кто же!

АЛЕКСЕЙ. Но как, черт побери?!

Петрович заглядывает в пустой стакан. Алексей молча наполняет его. Старик выпивает. Кряхтит.

ПЕТРОВИЧ. На охоте, оно как? Не выпить нельзя. Удачи не будет. Вот мужики и охотились: один с ружьем, двое со стаканом. Традиция! А вот ограничивать себя в дозе не умели. И набирались, до такого состояния, что одни в небо из ружья попасть не могли, а другие не могли вспомнить, для чего они здесь. Зверью надоело терпеть такое неуважительное к ним отношение, и они ушли в другие леса. О, как!

АЛЕКСЕЙ. Надо же, какие они привередливые звери-то эти!

ПЕТРОВИЧ. О-о! Еще какие! А раньше и медведи водились!

СТЕПАН. Что? И медведей мужики?

Старик смотрит стакан на просвет. Алексей тут же его наполняет. Петрович отпивает.

ПЕТРОВИЧ. Не! Медведи сами себя извели. Когда городскую свалку в лесу устроили, те стали есть, что попало, и вымерли все как один. От рахита. Скоро и мы повымираем, если будем пить, что попало.

СТЕПАН. Дед, а это правда, что ты с инопланетянами встречался?

ПЕТРОВИЧ. Да какие там инопланетяне! Мужики разыграли.

СТЕПАН. Шутишь?

ПЕТРОВИЧ. Так и было! Как на духу. Выставили мужики меня на посмешище! Вспоминать противно!

СТЕПАН, Да ладно тебе! Мы тут одни. Расскажи.

ПЕТРОВИЧ. Не хочется старое ворошить.

Алексей подливает водки в стакан Петровича.

ПЕТРОВИЧ. Ладно! Слушайте! Как-то раз иду я по лесу. И заблудился. Небо в облаках. Солнца не видать. И только ветерок доносит запах. До боли знакомый, но не лесной. Вот на запах я и направился.

СТЕПАН. А что за запах?

ПЕТРОВИЧ. Ты слушай-слушай! А запах все усиливается, усиливается. Принюхался и распознал в нем запах браги, дыма и самогонки. Я обрадовался и побежал навстречу счастью своему. И надо же было тому случиться, зацепился за корешок, споткнулся и головой врезался прямо в дерево.

АЛЕКСЕЙ. Да ты что!?

ПЕТРОВИЧ. Так и было. Очнулся на куче хвороста. Открыл глаза. Передо мной все плывет. Смотрю, а меня под руки держат какие-то мужики в черном одеянии, и чумазые такие! Пригляделся, а кругом черные бочки, костры под ними. И запах самогонки. Никак преисподняя, думаю. И тут же обрадовался. Еще бы! Кто бы мог подумать, что и в преисподней самогонку гонят. А мужики боятся туда попасть. А потом испугался. Неужто, думаю, я уже там? Ну, и спрашиваю: – Мужики, вы кто? Черти? А один из них говорит: – Не! Инопланетяне. Вот, совершили аварийную посадку на вашу планету. Горючее закончилось. Сейчас приготовим, заправимся и улетим в свою галактику. Во! Думаю! Люди живут! Мы ее пьем, а они на ней летают. Это же надо, сколько ее там!

ИВАН. А дальше!

ПЕТРОВИЧ. И мною овладело желание попасть к ним на планету. Братцы, говорю, а не могли бы вы взять меня с собой? А один из них: – Запросто. Вот, говорит, прими и вместе с нами улетишь. Я и принял. Баночку. Ноль пять. Лэ. И улетел.

СТЕПАН. Фантастика!

ПЕТРОВИЧ. Как я там у них гостил, не помню. Стерли память, сволочи. Понятное дело, думаю. Планета засекречена. Боятся, что прознают местные мужики, бросятся туда и у них начнется жизнь такая, как у нас. Очнулся в просторном помещении. Кругом все белое. Я лежу на койке. Накрыт белой простыней. Рядом со мной, на таких же койках находятся братья по разуму, с которыми я прилетел. Похоже, думаю, уже на месте. Проходим послеполетную адаптацию. Оглядываюсь и удивляюсь. Надо же, все как у нас! И строения, и койки, и питьевой бачок с кружкой на цепи, и... как его... надпись под окном «Здесь был Вася». Растолкал я своего соседа по койке и спрашиваю: – Слышь, инопланетянин, мы... это... где находимся? Что, полет не состоялся? А тот: – Полет – нет, а вот улет полнейший. Не в ту горловину, говорит, горючку залили. Вот так оно все и было!

Друзья смеются. Старик раскланивается. Вдалеке раздается голос Авдотьи.

АВДОТЬЯ. Стари-ик! Ты где?

ПЕТРОВИЧ. О! Принесла нелегкая! Так, мужики! Мне с ней встречаться не с руки. Аллергия у меня на эту даму, аллергия! Поиграю-ка я с ней в лешего.

СТЕПАН. В лешего? Это как?

Петрович складывает ладони рупором и приглушенным голосом ухает.

СТЕПАН. А чего? Похоже!

ИВАН. Напугаешь бабу – заикаться станет.

ПЕТРОВИЧ. Ее напугаешь! Как же! Она сама кого хочешь напугает!

Петрович скрывается в кустах.

АЛЕКСЕЙ. Чего она здесь делает?

ИВАН. Деда ищет. Или траву собирает для приворота. Колдовство – это ее пристрастие!

СТЕПАН. Ох, не нравится мне эта затея!

Авдотья подходит к мужчинам, округляет глаза и осматривает импровизированное застолье.

АВДОТЬЯ. Ну, ты посмотри! Прямо, как в сказке! И под каждым под кустом был готов и стол, и... хлопцы, а что вы тут делаете?

АЛЕКСЕЙ. Так это... рыбу ловим.

АВДОТЬЯ. В стакане, что ли?

ИВАН. А это где кому удобно.

АВДОТЬЯ. Кстати, вы моего старика не видели? Он где-то здесь. На охоте.

ИВАН. Нет! Не встречался.

АВДОТЬЯ. Понятно! Меня вы, конечно, не ждали!? А я вот... пришла!

АЛЕКСЕЙ. Ну что ты, Авдотья! Мы тебя всегда не ждем, а ты каждый раз, как снег на голову! Проходи, коль пришла. И сливай информацию! Что у нас сегодня в разделе слухов?

АВДОТЬЯ. Газеты читай, чудила! А я нынче людей лечу от сглазу и хвори.

СТЕПАН. И что? Не жалуются?

АВДОТЬЯ. Представь себе!

СТЕПАН. По причине преждевременной кончины, что ли?

АВДОТЬЯ. Типун тебе на язык!

АЛЕКСЕЙ. Ладно! Располагайся. Пригуби с нами.

АВДОТЬЯ. Это вы без меня. А вот минералочки налейте. Пол стаканчика.

Алексей наполняет питейную емкость и предлагает гостю. Авдотья извлекает из сумки несколько пузырьков, откупорила их, и принялась капать из каждого в свой стакан.

АЛЕКСЕЙ. Авдотья, ты это чего?

АВДОТЬЯ. Ни чего, а от чего! Это от порчи. Это от сглазу. Это от коликов в животе. Это...

ИВАН. А здоровью не навредит?

АВДОТЬЯ. Мое зелье еще никому не навредило!

Авдотья залпом выпивает волшебный напиток. Иван и Алексей переглядываются и мимикой лица восхищаются удалью пожилой женщины. Раздается приглушенное уханье.

О! Кто это?

АЛЕКСЕЙ. А! Леший развлекается.

АВДОТЬЯ. Да ладно!

АЛЕКСЕЙ. Не обращай внимания. Начнешь реагировать – не отвяжется. Всякий раз с новым человеком ищет общения.

АВДОТЬЯ. Мужики, вы шутите?

СТЕПАН. Да нет же! Тебе что, ни разу не приходилось с лешим общаться?

АВДОТЬЯ. Нет!

ИВАН. Считай, что довелось.

АВДОТЬЯ. Может, он еще и разговаривает?

СТЕПАН. Нет! Только ухает. Но, с тобой может и заговорит. Ведь ты у нас колдовского поля ягода.

АВДОТЬЯ. А свят-свят-свят! Чур, меня! Чур, меня!

АЛЕКСЕЙ. Авдотья, ты чего? Он не опасен.

АВДОТЬЯ. Не скажи! Леший – это не Ангел! Леший – это нечисть!

Авдотья крестится. И в это время голосом с восточным акцентом отзывается Петрович.

ПЕТРОВИЧ. Вай! Женщина! Зачем обижаешь? Не Нечисть я! Я Джин! Джин!!

Друзья округляют глаза. Авдотья издает дикий вопль.

АВДОТЬЯ. А-а-а! Он еще и разговаривает!

ПЕТРОВИЧ. Женщина, зачем шумишь? Джины этого не любят!

АВДОТЬЯ (*дрожащим голосом*). Это... как его... Джин – это кто?

ПЕТРОВИЧ. Как?! Ты не знаешь кто такой джин? Да?

АВДОТЬЯ. Нет!

ПЕТРОВИЧ. Старик-Хоттабыч знаешь!

АВДОТЬЯ. Знаю!

ПЕТРОВИЧ. Брат мой!

АВДОТЬЯ. Волшебник, стало быть!

ПЕТРОВИЧ. Джин! На востоке меня так называют!

АВДОТЬЯ. Джин? Джин! Ах, Джин!! А я испугалась! Думала, леший!

ПЕТРОВИЧ. Нет! Джин я! Джин!

АВДОТЬЯ. Ладно, Джин! Выходи! Посмотрим, что ты из себя представляешь! Что я должна потерять?

ПЕТРОВИЧ. Зачем выходить? Я уже давно на виду. Просто меня не видно. Дух я. Дух!

Авдотья снова испуганно крестится.

АВДОТЬЯ. Святой, что ли?

ПЕТРОВИЧ. Зачем святой?

АВДОТЬЯ. Нечистый?!

ПЕТРОВИЧ. Да Джин я! Дах тиби дах!

АВДОТЬЯ. Минуточку-минуточку! А чем докажешь, что ты – это ты?

ПЕТРОВИЧ. Могу тебя к примеру, в жабу превратить. Вот смотри: раз, два...

АВДОТЬЯ. Ты что! Ты что!! Ты что!!! Совсем сдурел?! В какую еще жабу!? И почему это, в жабу, а не... в столбовую дворянку, например? Или желание исполнить.

ПЕТРОВИЧ. Трезвый я способен только на пакости.

АВДОТЬЯ. Как!? Ты еще и пьешь?

ПЕТРОВИЧ. А кто в наше время не пьет?

АВДОТЬЯ. Интересно! А выпивший ты на что способен?

ПЕТРОВИЧ. Предложи – узнаешь.

АВДОТЬЯ. Как ни странно, но у нас есть! Вот! Смотри!

Авдотья наполняет стакан.

ПЕТРОВИЧ. Налила?

АВДОТЬЯ. Налила.

ПЕТРОВИЧ. Вай, женщина! Вай, шайтан! Да продлит Аллах годы твои. Стой тихо и не оборачивайся.

Авдотья тут же оборачивается и принимается изучать мир за спиной. Алексей берет стакан с водкой, выпивает и уже пустой ставит на место.

АВДОТЬЯ. Ну! И долго мне еще не оборачиваться?

ПЕТРОВИЧ. Все! Я уже!

Авдотья заглядывает в уже пустой стакан и удивленно ведет глазами.

АВДОТЬЯ. Фантастика!

ПЕТРОВИЧ. Загадывай желание!

АВДОТЬЯ. Желание! Желание? Так-так-так-так-так-так-так! А два можно?

ПЕТРОВИЧ. Нельзя. Один желание в один руки.

АВДОТЬЯ. Так-так-так-так-так-так-так! А для меня, и для подруги? Я ее сейчас покличу.

ПЕТРОВИЧ. Тоже нельзя! Ты загадывать будешь?

АВДОТЬЯ. Хорошо! Записывай.

ПЕТРОВИЧ. Запомню.

АВДОТЬЯ. Это... как его... сделай так, чтобы мой муж завязал с пьянками.

ПЕТРОВИЧ. Женщина, ты действительно, этого хочешь?

АВДОТЬЯ. Да! *(Пауза.)* Чего молчишь? Аль язык проглотил?

ПЕТРОВИЧ. Я поклялся Бухарскому Султану не причинять вреда человеку. А ты меня подбиваешь на это. Ведь при такой бабе вино старику в утешение. Не лишай его этого.

АВДОТЬЯ. При какой такой бабе? Чем тебе баба не нравится? Тем, что запрещает старику выпивать? Так это для его же пользы!

ПЕТРОВИЧ. Хорошо! Будет так, как ты хочешь. Старик с пьянками завяжет. Только он умрет от тоски.

АВДОТЬЯ. Умрет?! Как, умрет?! Не-ет! Пусть пьет!

ПЕТРОВИЧ. Но, ведь...

АВДОТЬЯ. Я сказала, пусть пьет!

ПЕТРОВИЧ. Ладно! Исполнено! Не могу женщине отказать в ее желании.

ИВАН. Все, Авдотья. Прекращай! А то, не ровен час, еще беду накличешь.

АВДОТЬЯ. Это же надо! Чуть старика не угробила!

Из-за кустов выходит Петрович.

ПЕТРОВИЧ. О! А что вы тут делаете?

АВДОТЬЯ. Это... как его... травку собирала... зашла на огонек.

СТЕПАН. Петрович, давай к нам. Пропусти стопарик.

ПЕТРОВИЧ. Мужики, я не знаю, что со мною происходит, но еще пять минут тому назад мне хотелось выпить. А уже не хочется.

АВДОТЬЯ (*испуганно*). Как? Совсем?

ПЕТРОВИЧ. Ни громульки! Я лучше по лесу поброжу. Подышу свежим воздухом.

Авдотья выпячивает глаза и рукой зажимает рот.

АВДОТЬЯ (*вскидывает руки*). Ну, чертов Джин! Ну, и сволочь же ты! Я же запретила трогать старика!

ПЕТРОВИЧ (*испуганно*). Авдотьюшка, что происходит?

АВДОТЬЯ. Ничего! Как ты себя чувствуешь?

ПЕТРОВИЧ. Хорошо!

АВДОТЬЯ. Иди погуляй, старик. Тебе полезно подышать свежим воздухом.

ИВАН. Авдотья! Ты у нас по части приворота. Вот скажи, слабо ли тебе приготовить зелье, чтобы меня не тянуло к женщинам?

АВДОТЬЯ. В блуд? Или... к Матрене тоже?

ИВАН. К Матрене тоже.

АВДОТЬЯ. Чем же это она такое заслужила?

ИВАН. Не хочет со мной любовью заниматься.

АВДОТЬЯ. Не может быть! Женщина даже на смертном одре от этого не откажется.

ИВАН. А она отказывается.

АВДОТЬЯ. Ничего не понимаю! Ей что, любви не хочется?

ИВАН. Представь себе!

АВДОТЬЯ. Нет, дорогой! Женщина может не хотеть только одного – это неуважительного к ней отношения! А всего остального ей хочется!

ИВАН. Значит, не всего! Она меня к себе не подпускает!

АВДОТЬЯ. Подпустит, если по-человечески к ней отнесешься!

ИВАН. По-человечески, это как?

АВДОТЬЯ. Назови ее любимой, отпусти комплимент, подари цветы! Женщины это любят!

ИВАН. Нет, Авдотья! Это не поможет! Не ладим мы из-за живота!

АВДОТЬЯ. Какого еще живота? Ты о чем, Иван?

ИВАН. Моего!

АВДОТЬЯ. Твоего!? Чем же он ей не нравится? Живот как живот! И вообще, мужик без живота – это все равно, что женщина без бюста.

ИВАН. Понятно. Но ей не объяснишь. Авдотья, мне бы зелье, что бы к ней не тянуло.

АВДОТЬЯ. Зелье, говоришь? Что ж, есть и такое.

Авдотья извлекает из своей авоськи пузырек и протягивает Ивану.

Вот! Держи!

ИВАН. А оно эффективное?

АВДОТЬЯ. Эффективное, эффективное!

ИВАН. А применять как?

АВДОТЬЯ. Растирай натошак. Четыре дня и он отвалится.

ИВАН. Четыре дня – это хорошо. (Спохватывается.) Погодь! А что отвалится?

АВДОТЬЯ. Да этот... как его... твой похотливый орган.

Иван от неожиданности подпрыгивает.

ИВАН. Ты что, баба! Совсем сдурела?! А ну, забирай свое пойло! Нашла забаву мужиков губить.

АВДОТЬЯ. Да какой же ты мужик, если жены сторонишься? А что касается твоего похотливого органа, так он и так отвалится. Сам по себе, как не востребованный. И никуда ты не денешься. Так устроены все живые организмы. Удивляюсь, как это до сих пор не произошло. Ну, ничего. Недолго ждать осталось.

Иван впадает в оцепенение.

АЛЕКСЕЙ. Авдотья, ты это серьезно?

АВДОТЬЯ. Такими вещами не шутят.

Алексей со Степаном испуганными глазами смотрят на Ивана.

ИВАН. Погодь, Авдотья! А слабо тебе приготовить зелье, чтобы я похудел?

АВДОТЬЯ. А зачем тебе оно? Забирайся к Матрене в постель и худей на здоровье. Только не ленись. Где еще сжигать калории, как не на жене? Проверенное средство.

ИВАН. Это не то. Мне бы, какого зелья, чтобы утаить процесс похудения от нее.

АВДОТЬЯ. От нее, говоришь? Что ж! Есть и такое!

Авдотья подает Ивану другой пузырек.

ИВАН. А здесь в чем подвох?

АВДОТЬЯ. Какой еще подвох? Ты о чем?

ИВАН. Мало ли! Может, я от твоего зелья весь на понос изойду.

АВДОТЬЯ. Не изойдешь! А вот аппетит пропадет! Попробуй!

Авдотья уходит.

ИВАН (вдогонку). Попробуй! Твоего зелья попробуешь, может, козленочком и не станешь, а вот бараном? Как знать!

СТЕПАН. Иван, а что за микстуру она тебе всучила?

Иван откупоривает пузырек и принимается изучать его содержимое. Нюхает, попробует на язык.

АЛЕКСЕЙ. Ну?

ИВАН. Какая гадость! Как такое можно пить?

СТЕПАН. Лекарство вкусным не бывает. А впрочем, кто знает, чего она туда наложила!

АЛЕКСЕЙ. Иван, может, не надо? Мало ли?

ИВАН. Авдотья вреда еще никому не причинила. Ей доверять можно. Будете?

АЛЕКСЕЙ. Не! Ты что! Мне худеть не надо.

СТЕПАН. И я не буду.

ИВАН. Как знаете! А я приму!

С шумом выдохнув из себя воздух, Иван запрокидывает голову и отпивает из пузырька. Внезапно замирает и кривится. Господи! Чего она туда наложила? Это не гадость! Мерзость какая-то!

АЛЕКСЕЙ. Иван, зря ты это затеял.

ИВАН. Леха, не скули!

В ожидании результата, Иван закрывает глаза. Через некоторое время его тело начинает подрагивать, а руки выполнять движения, напоминающие взмахи крыльев. И вдруг он резко подхватывается, открывает глаза и испуганно оглядывается.

Леха!? А что ты тут делаешь? Где я?

СТЕПАН. А где ты должен быть?

Иван хватается за голову.

ИВАН. О-о! О-о-о!! Господи! Что это было? Что это было?! С ума сойти!

АЛЕКСЕЙ. Ваня, что произошло?

ИВАН. Леха, ты не поверишь! Только закрыл глаза, как все поплыло. То ли туман! То ли облака! Легкость какая-то! Музыка, свет! И я парю, парю! И такое ощущение, будто ублажаю дюжину красавиц, хоть их и не видно! И только хотел было раствориться в блаженстве, а тут ты! И все пропало!

АЛЕКСЕЙ. Господи! Только бы все обошлось!

ИВАН. Леха, ты чего?! Это ценнейший продукт колдовской индустрии!

СТЕПАН. Как бы этот продукт тебе боком не вышел! Ведь и такое может быть!

ИВАН. А это мы сейчас и проверим!
Иван снова закрывает глаза. И уже через минуту его руки снова напоминают крылья некой волшебной птицы. А в это время прибегает взволнованная Авдотья.

АВДОТЬЯ. Ой, хлопцы! Хорошо, что вас застала. Верните мне мое зелье. Не то вам дала. Пузырьки перепутала.

Алексей и Степан испуганными глазами смотрят на нее.
Господи! Что с ним?

СТЕПАН. Да вот! Принял твою микстуру, и на тебе! Улет полнейший!

АВДОТЬЯ. Успел, паразит! Пьянчуга чертов! Степа, а ты не врешь?

СТЕПАН. Нет, конечно!

Авдотья хватается за голову и начинает причитать:

АВДОТЬЯ. О, горе мне! Что я наделала! Что наделала!! Что же теперь будет? Ой, загубила мальчика! Ой, загубила!!

АЛЕКСЕЙ. А это что? Никак, отрава? Чего ты туда наложила?

АВДОТЬЯ. Ой, не знаю, что и сказать! Это зелье я готовила жука колорадского травить. И надо же, пузырьки перепутала! Ой, дурная голова!

СТЕПАН. А наложила-то чего?

АВДОТЬЯ. Чего-чего! Крысиный хвост, толченые тараканы, жабыя кожа, настоянные на козлином поту.

Алексей со Степаном безумными глазами смотрят на Ивана. Иван продолжает пребывать в прострации. Авдотья принимается приводить Ивана в чувство. Наконец он приходит в себя и снова пытается сообразить, где находится. Увидев перед собой испуганную Авдотью, Иван тоже пугается, силится что-то сказать, но не может произнести ни слова. Увидев это, Авдотья с еще большим усердием начинает причитать.

О, горе мне! О горе...

Наконец Ивана прорывает.

ИВАН. Ну, Авдотья! Ну, ты и даешь! И не жалко тебе этих жуков? Да их же на изнанку повыворачивает!

АВДОТЬЯ. Да Бог с ними, с жуками! Как теперь тебя спасти?

ИВАН. А меня спасать не надо. Мне и так хорошо!

Авдотья снова начинает причитать.

АВДОТЬЯ. А, батюшки! А, свят-свят-свят! Все ж рехнулся малец! Помереть согласен! О, горе мне! Что же теперь будет?

ИВАН. Ты... это... брось скулить! Никто помирать не собирается! А жуки твои там как-нибудь подохнут сами. От кондрашки. Ты им только скажи, чем их травить собираешься. Ознакомь, так сказать, с рецептиком. А мне еще пляшку принеси.

Авдотья крестится.

АВДОТЬЯ. Шутишь?

ИВАН. Нет! Не шучу. И побыстрей!

АВДОТЬЯ. Так я... это... мигом! (Убегает.)

АЛЕКСЕЙ. Иван, как ты себя чувствуешь?

ИВАН. Как я себя чувствую? Я и сам не знаю. Братцы, как на духу! Сколько живу на свете, пил все, что только можно пить, а такого испытывать не доводилось. Это ж сказка какая-то!

АЛЕКСЕЙ. Какая сказка?! Ты о чем?

ИВАН. Сказка, Леха, сказка! Ай, да Авдотья! Ай, да волшебница! А я на нее: – Шарлатанка! Шарлатанка! А оно вона как! И вот что, дружок, я хочу тебе сказать: Зелье во! Это решение всех наших проблем!

АЛЕКСЕЙ. Твоих проблем.

ИВАН. С таким зельем и женщина не нужна.

СТЕПАН. Нет, Иван, мы уж как-нибудь обойдемся. А вдруг, оно еще и опасно для здоровья.

ИВАН. Мужики! Приятное опасным быть не может. Да и кто откажется еще при жизни испытать прелести неземного рая?

АЛЕКСЕЙ. А если...

ИВАН. И никаких, если! Даже не пытайся меня отговорить. Все! Ни слова больше!

Иван медленно направляет свой взор в небо. Выдержав паузу, он облегченно вздыхает.

Братцы! Я чего думаю. Ведь сколько в мире мужиков страдают, как мы.

АЛЕКСЕЙ. Как ты!

ИВАН. Как я! И никто из них даже не подозревает, что есть средство, способное их избавить от этих страданий. А ведь им, всего-то на всего, надо обратиться к бабкам-знахаркам. И эти скромные труженицы колдовского ремесла окажут им неоценимую услугу. И плевать, что это средство козлом помечено! Зато, какой эффект!

АЛЕКСЕЙ. Иван ты, конечно, меня извини, но не могу с тобой согласиться. Это ж какое-то извращение нашего бытия. Вот как ты считаешь, для чего Бог Еву создавал? Ты же не думаешь, что только лишь для того, чтобы помочь Змею Искусителю яблоки реализовать? А ведь Богу ничего не стоило создать средство ее заменяющее.

ИВАН. Надувную бабу, что ли?

АЛЕКСЕЙ. Не-ет! Какое-либо пойло.

ИВАН. Ну, Леха, ты и завинтил! Да не будь Евы, как бы Адам, вообще, узнал, что он мужик?

СТЕПАН. А действительно, как?
Иван погружается в раздумья.

ИВАН. Конечно, женщины тоже нужны, но и средство, способное их заменить, надо чтобы было.

АЛЕКСЕЙ. Согласен! Пусть будет! Для мужиков, у которых уже отвалился их похотливый орган. А для тех, которые пребывают в ожидании этого чуда, лучше, все-таки, женщина в натуральном виде. Чтобы рядом с ней, время от времени, мужчина осознавал, что он мужчина. И не забывай, что тебе нормальным мужиком быть уже недолго осталось. Так что, не ищи пути избавиться от этой проблемы. Надо искать способ с женщинами ладить, а не им замену.

ИВАН. Ладить с женщинами?!

АЛЕКСЕЙ. А почему и нет?

Иван молча переводит свой взгляд на пузырек с зельем, тяжело вздыхает и украдкой выливает его содержимое на землю. После чего, строит невинную мину и показывает пустой пузырек приятелям. Те удовлетворенно кивают головой.

ИВАН. Ладно, Леха, пока не поздно, иду сдаваться! Только как это сделать, пока не знаю. Эта тварь Авдотья ошарашила меня далеко не радужной перспективой, что я до сих пор в себя прийти не могу.

СТЕПАН. О-о-о! Эта может! Я и сам ее, как чуму боюсь!

Алексей незаметно удаляется. Иван хватается за голову.

ИВАН. Господи! Что творится? Что творится?!

СТЕПАН. И не говори! С трех метров! По пустым воротам! Мазилы чертовы!

ИВАН. Я не об этом! Я вот что думаю: это же каким надо быть дураком, чтобы лишать себя удовольствия наслаждаться любовью со своей любимой женщиной! А ведь и надо-то всего: сказать ей ласковое слово и подарить цветы!

К друзьям подбегает Авдотья и протягивает Ивану пузырек.

АВДОТЬЯ. Вот! Держи! Чтобы женщин не хотелось! Свеженькое! С пылу-жару!

ИВАН. Поздно, Авдотья! Поздно!

АВДОТЬЯ. Отвалился, что ли?

ИВАН. Ты что, старая! Сплюнь! Просто от твоих услуг отказываюсь! Никакое зелье мне мою женщину не заменит!

АВДОТЬЯ. У-у-у! А я так старалась!

ИВАН. Предложи его дураку.

Авдотья тут же предлагает Степану.

АВДОТЬЯ. Это тебе, что ли?

СТЕПАН. Ага! Нашла дурака! Это тебе!

Из леса выходит Петрович.

АВДОТЬЯ. Дед, ты чего вернулся? Никак выпить захотел?

Петрович складывает ладони рупором и уже знакомым голосом с восточным акцентом вещает:

ПЕТРОВИЧ. Женщина, соскучился я по тебе. Может, у тебя к Джину еще просьбы есть? Да продлит Аллах твои годы!

Авдотья выпучивает глаза, ладонью зажимает рот и пальцем указывает на старика.

АВДОТЬЯ. Старик! Это ты... посмел надо мной так подшутить!? Да я тебя... (Окидывает взглядом компанию.) Ах вы, сволочи! Ах, паразиты! Так разыграть старую бабу!

Мужчины смеются. Вскоре смех разбирает и Авдотью.

СТЕПАН. Мужики! Пока вы тут выясняете, кто кого, когда и как, у меня дома моя Жар–Птица огнем пылает в ожидании утешения!

ИВАН. Да, мужики! Пора разбегаться! Моя ведь тоже в душе надеется на чудо. Не пристало и мне изматывать ее ожиданием. Кстати, а где Леха?

Собравшиеся оглядываются по сторонам и недоуменно пожимают плечами. Вскоре перед друзьями предстает и Алексей с букетом цветов. Иван от удивления таращит глаза.

ИВАН. Что это?

АЛЕКСЕЙ. Цветы! Разве не видишь? Тебе они сегодня ох как пригодятся!

Алексей подает другу букет. Иван принимает цветы и недоуменно смотрит на Алексея.

ИВАН. Как-то не привычно.

АЛЕКСЕЙ. Привыкнешь!

СТЕПАН. Когда-то надо начинать!

Иван нюхает цветы и блаженно вздыхает. Алексей со Степаном переглядываются и улыбаются. Авдотья украдкой выливает содержимое пузырька на землю. Освободив емкость от дурманящего зелья, она грустным взглядом окидывает друзей. А друзья исполняют песню:

Не безгрешен мир земной,
Эта истина не нова.
Грех становится порой
Его жизненной основой.
Жизнь испытывает нас,
Ну, а мы всегда при деле.
Образ Евы всякий раз,
Ищем в каждом женском теле.
Образ Евы! Образ Евы всякий раз
Ищем в каждом женском теле.

Только образ не всегда
Соответствует натуре
Ведь бывает иногда
Даже волк в овечьей шкуре.
И сказание гласит,
С ним нельзя не согласиться,

В каждой даме черт сидит,
А хотелось бы жар-птицу!
В каждой даме! В каждой даме черт сидит,
А хотелось бы жар-птицу.

Их порочное нутро -
Сфера наших интересов.
Кто бы нас толкал в ребро,
Если б не было в них беса.
Так не будем же гадать,
Кто под женскою личиной,
И на Бога уповать,
Если в нас сидит мужчина.
И на Бога! И на Бога уповать,
Если в нас сидит мужчина.

АВДОТЯ (восхищенно покручивает головой). Ох, уж эти мужики!

ЗАНАВЕС